

Маргарита

ДЮЖЕВА

(НЕ)МОЙ ПАПА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Дюжева (Не) мой папа

<https://litres.ru/67668293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он ушел. Просто взял и ушел.

А через неделю я узнаю три новости.

Первая — Ден женится. В соцсетях появляется его фотография под руку с брюнеткой, которая выставляет вперед руку с кольцом на безымянном пальце.

Вторая — они ждут пополнения. Это я уже узнаю, когда забираюсь к ней в профиль, чтобы удовлетворить болезненное любопытство, и нахожу фотки округлившегося живота с подписью «мы так счастливы».

Третья — мое несварение желудка, это вовсе не несварение. Это токсикоз. Две полоски на тесте, четыре недели по УЗИ... И я ни за что ему об этом не скажу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Маргарита Дюжева

(Не) мой папа

Пролог

Женечка

Он не отвечает на звонок, хотя я набираю его уже десятый раз. Игнорирует мои сообщения и весь день не появляется в сети. Я не понимаю, что происходит, мне не по себе, поэтому, когда Ден все-таки выходит на связь, кричу в трубку:

— Куда ты пропал?! Я волновалась!

— Не стоило, — его голос прохладный и какой-то чужой.

— Ты уже закончила?

На меня внезапно нападает робость:

— Почти. Еще минут пятнадцать.

— Дождись меня, я за тобой приеду.

Мне не нравится это его «дождись меня». Звучит как приказ. Почему-то щиплет глаза и ломит где-то за ребрами. Я жду его в разобранных чувствах, с каждым мигom нервничая все больше и больше, потому что ощущаю приближение чего-то страшного.

Ищу какие-то зацепки, вспоминаю, но на ум не приходит ничего, что могло бы пролить свет на эту странную ситуацию.

Еще утром у нас все было хорошо — я собиралась на работу, а он планировал заскочить к родителям, а теперь ледяными когтями под кожу пробивается страх.

Когда я выхожу из офиса, серая машина уже стоит у крыльца, мигая мне яркими фарами.

— Привет! — улыбаюсь, усаживаясь в салон. — Все хорошо?

— Хорошо, — Денис почему-то не целует меня, а ограничивается кивком.

— Поехали домой?

— Давай поужинаем.

Он везет меня в то самое кафе, где мы познакомились. По иронии судьбы, нам достается тот же столик.

Я заказываю кофе, он минералку.

— Ты же хотел поужинать, — мне все труднее сидеть на месте и не дергаться.

Денис долго крутит перед собой стакан, задумчиво рассматривая его содержимое, а потом произносит:

— Нам надо расстаться.

Я не могу понять — что он только что сказал? Это какая-то несмешная шутка?

— Что?

— Я ухожу.

Поднимает на меня взгляд без единой эмоции, и у меня внутри все переворачивается вверх дном. Никаких шуток. Все предельно серьезно.

— Почему, Ден? Я что-то сделала не так? — все еще не верю в реальность происходящего.

— Все так, Жень. Это я ошибся. Поторопился. Мне не стоило тогда подходить к тебе и заводить разговор. Не стоило с тобой знакомиться.

— Почему?

— Дело в том, что я... — он мнетя, — я не свободен. У меня есть девушка.

— Девушка? — я сиплю.

— Не просто девушка. Невеста. Мы с ней были в ссоре, но... помирились. Прости. За квартиру я заплатил на полгода вперед, — продолжает он, — можешь спокойно жить.

Он издевается надо мной? Спокойно жить, зная, что он больше туда не придет?

— Вещи я уже забрал.

Меня прошибает холодный пот, и, наконец, доходит весь ужас этой ситуации.

— Как забрал? Когда?

— Днем.

— Я не понимаю. Ты собирался к родителям, и тут внезапно появляется какая-то девушка, и ты просто сваливаешь?

Денис отводит взгляд в сторону:

— Прости. Так вышло.

— Так вышло? — закипает у меня внутри. — То есть эти три месяца ты водил меня за нос? Говорил, что любишь, а на самом деле тебя ждала невеста?

Он морщится, когда я произношу это слово. Будто ему неприятно.

— Как же наши планы? Как же все то, что ты говорил?

— Увлекся, начал фантазировать.

Я жила им, дышала. С первой секунды. А он просто фантазировал?

— Знаешь, что, Денис, — поднимаюсь из-за стола, — иди ты к черту.

— Жень, погоди, — хватает меня за руку, не позволяя уйти.

В серых глазах проскакивает что-то такое, чему я не могу дать определение. Какая-то волчья тоска, смешанная с обреченностью.

— Убери от меня свои руки, Орлов. Вали к своей невесте. Не переживай, я тебя больше не побеспокою.

Я ухожу из кафе, как робот. В голове гудит, в груди давит, в голове пульсирует только одна мысль: он использовал меня! Просто использовал, как запасной аэродром на время ссоры с невестой, а я-то, дура, влюбилась по уши, растеклась, поверила, что он — тот самый.

Я злюсь специально, потому что злость помогает справиться с болью. Накручиваю себя, разжигаю обиду. И только дома, открыв шкафы и обнаружив пустые полки, ломаюсь. Стекаю по стене на пол, зарываюсь пальцами в волосы и вою, как раненая волчица.

А дальше события закручиваются с невообразимой скоростью. В один и тот же день я узнаю три новости.

Первая — Ден женится. В соцсетях появляется его фотография под руку с брюнеткой, которая выставляет вперед руку с кольцом на безымянном пальце.

Вторая — они ждут пополнения. Это я уже узнаю, когда забираюсь к ней в профиль, чтобы удовлетворить болезненное любопытство, и нахожу фотки округлившегося живота с подписью «Мы так счастливы!»

Третья — мое несварение желудка это вовсе не несварение. Это токсикоз. Две полоски на тесте, четыре недели по УЗИ.

Пять лет спустя

Холодно. Снег бьет прямо в лицо, и мне приходится отворачиваться, прикрывая лицо воротником. На улице уже вечер, желтые фонари едва справляются с мраком и снежной завесой, под ногами снежная каша.

Как назло, большой черный автомобиль перекрывает половину тропинки, и я, пытаясь его обойти, проваливаюсь в сугроб чуть ли не по колено.

— Вот гад! — шиплю себе под нос.

Хозяина машины не видно, да и не до него мне сейчас. Надо успеть забрать Маришку из садика — уже восьмой час, воспитательница звонила и спрашивала, где я.

Стянув варежки с побелевших пальцев, набираю на домо-

фоне номер группы, подпрыгивая от нетерпения

— Да! — раздается недовольный голос.

— За Мариной.

— Наконец-то.

Раздается писк, и я, едва замок открывается, бегу внутрь, стряхивая с шапки снег.

— Мамочка! — Марина бросается мне навстречу. — Ты пришла!

— Конечно, пришла, милая. Куда же я денусь?

— Всех ребят давно забрали, и мы с Ольгой Алексеевной играли вдвоем. Так здорово!

Я виновато смотрю на воспитательницу:

— Простите. На работе пора отчетов.

— Сад работает до семи, — строго напоминает она и уходит в раздевалку, а я начинаю собирать дочь.

Пока Маришка самостоятельно влезает в болоньевые штаны, вытаскиваю из ящичка скомканную одежду и сырые варежки. Хорошо, что есть запасные.

— Мы идем в магазин? — спрашивает дочь, сосредоточенно пихая ноги с сапожки.

— Нет, зайка. Уже поздно. Нам бы до дома добраться по такой-то погоде.

— Ты обещала, что мы сегодня купим красивого печенья,

— Маришка обиженно надувает губы.

Я много чего обещаю, но жизнь вносит коррективы. Вместо того чтобы прийти сегодня пораньше, я на работе раз-

гребала бумаги, и мое робкое возражение было встречено резким: «Не устраивает? Увольняйтесь». Мне никак нельзя увольняться. Скоро платить кредит, а хочется еще купить новогодние подарки для дочери.

— Просто я придумала кое-что получше, — присаживаюсь рядом с ней и беру маленькие ладошки в руки, — мы сейчас придем домой и сами испечем печенье.

— Красивое? — недоверчиво спрашивает дочь.

— Самое красивое.

— Ты разрешишь мне пользоваться формочками?

— Естественно.

Маришка тут же расцветает. Магазин уже забыт, и она начинает захлеб рассуждать о том, какое печенье мы сделаем:

— Елочку можно?

— Да.

— А звездочку?

— Конечно.

— А сердечки?

— Сколько хочешь.

Она замолкает, прикидывая, сколько печенья сделает, а я снимаю с дверцы курточку и набрасываю ее на худенькие плечики:

— Расскажи лучше, как прошел твой день.

— Плохо.

— Что случилось?

— Сегодня была запеканка, — морщится она.

— Да, это проблема, — сокрушенно качая головой, пряча улыбку, — что еще?

— Учили танец снежинок.

— Уверена, ты будешь прекрасной снежинкой.

— А еще у нас в группе появился новый мальчик, — доверительным шепотом сообщает Маришка, пока я завязываю ей шапку.

— Хороший?

— Очень. Его Сережей зовут.

— Вы с ним подружились?

— Да. У него игрушечный динозаврик. — Маришка замолкает, а потом выпаливает на одном дыхании: — А еще у него очень красивый папа! Я хочу, чтобы и у меня такой был! Эх, родная, боюсь, твой папа тоже был красивый, только ушел, когда я еще не знала, что беременна.

— Слушай, совсем забыла спросить, а изюм в печенье будем добавлять? — сбиваю ее с мысли об отце.

Это болезненная тема. И для нее, и для меня. Я до сих пор не уверена, что правильно сделала, утаив от него правду. Во мне тогда кипела обида, непонимание, а его ждала невеста. В итоге он уехал, я осталась, и теперь каждый имеет то, что имеет. У него своя семья и жизнь — полная чаша, а у меня Маришка, пара кредитов и вечная нехватка времени.

Впрочем, я не жалею. Живы-здоровы, одеты, обуты, не голодаем, а остальное мелочи, справимся. Тем более на носу Новый год. Попрошу у Дедушки Мороза новую работу с

хорошим графиком, мужчину такого, чтоб как за каменной стеной, и чуточку женского счастья.

Мы выходим из садика и медленно бредем к остановке. Маринка упорно топает вперед, а я стараюсь держаться так, чтобы закрывать ее от метели, и почему-то думаю о том, что сказать, когда она в следующий раз спросит про папу.

Я раньше верила, что со временем сумею придумать хорошую легенду, которая позволит все деликатно разложить по полочкам, но, увы, сложно что-то объяснить ребенку, когда у самой еще не отболело.

Глава 1

Женечка

Обновление руководства всегда стресс, а перед Новым годом — особенно.

Нам объявили об этом с самого утра. Просто пришел главный менеджер и с порога заявил, что сегодня в четыре собираемся в главном зале, чтобы познакомиться с новым начальством. Явка строго обязательна.

Я очень надеюсь, что это торжественное мероприятие не растянется на несколько часов — мне дочь надо забирать из сада. Я ей обещала, что сегодня точно появлюсь вовремя.

День идет своим чередом. Мне приходится разбирать завалы документов, которые оставила коллега, бессовестно укатившая в Мексику в самую сложную пору на работе. Миллионы отчетов, сводки — волосы уже дыбом встают от цифр и печатей. Я даже игнорирую свой законный перерыв на обед, продолжая перекладывать бумажки.

В мечтах только одно — дожить до Нового года, до длинных выходных, и не свихнуться от суматохи. Еще надо купить подарки, сделать генеральную уборку, нарядить елку. Голова кругом.

Когда время подходит к четырем, мы с коллегами отправляемся в зал. Я стараюсь занять место поближе к выходу, чтобы потом уйти первой, зачем-то достаю блокнот, ручку

и жду.

Первым входит старый Марк Борисович, под руководством которого работаю уже третий год. Мировой мужик, серьезный, но вместе с тем с прекрасным чувством юмора и деловым тактом. Следом за ним идет мужчина. Молодой, лет тридцати пяти, красивый. Глядя на его высокую поджарую фигуру, затянутую в строгий костюм, женщины невольно втягивают животы, выпячивают грудь и украдкой поправляют волосы.

Я их преждевременного восторга не разделяю, меня больше волнует, будет ли новый босс отпускать пораньше, если Маришка снова заболеет?

— Дорогие коллеги, — начинает Марк Борисович, — вы все в курсе, что я уже несколько лет грожусь уйти на заслуженный покой, но как-то все не получается. Дела, хлопоты, то объединение, то открытие новых офисов — некогда на пенсии сидеть. Но в этом этот раз все серьезно. Я решил сделать себе подарок к Новому году. Я ухожу.

По залу прокатились вздохи сожаления. Я тоже жалела, наверное, даже больше всех остальных, потому что с этим человеком было очень комфортно работать.

— Не отчаиваетесь. Без присмотра я вас не оставлю. Сегодня передаю все дела вашему новому начальнику. Знакомьтесь, Седов Константин Олегович. Прошу любить и жаловать.

Новый босс выступает вперед и обращается ко всем со-

бравшимся с приветственной речью. Сотрудники с интересом и настороженностью наблюдают за ним, внимательно слушая каждое слово.

Голос у него очень приятный. Глубокий, ровный, с тем самым мужским тембром, от которого бегут мурашки по коже. Когда он улыбается, хочется улыбнуться в ответ.

Собрание длится всего пятнадцать минут. Сначала один высказался, потом второй, затем прозвучало несколько неуверенных вопросов, и нас отпустили.

Несмотря на то, что я близко к выходу, мне не удастся уйти первой — ручка выпадает из блокнота и катится куда-то под соседний ряд. Приходится ползать, искать ее, пропуская всех остальных.

Когда мне, наконец, удастся ее найти и забрать, в зале никого не остается. Только я и начальство — бывшее и нынешнее.

— Вот и познакомились, — Марк Борисович удовлетворенно трет руки, — коллектив хороший, отзывчивый.

— Я уже это понял, — соглашается Седов, — уверен, мы сработаемся. Осталось решить вопрос с помощником.

— Тут уж сам. Хочешь — нового приглашай, хочешь — переводи кого-то из других отделов. Все сам. Меня, к счастью, больше эти вопросы не волнуют.

Я иду к двери и не знаю зачем бросаю быстрый взгляд на Константина Олеговича. Он смотрит в ответ и едва заметно усмехается.

— Я уже нашел себе помощницу, — кивает в мою сторону.

Марк Борисович оборачивается и, заметив меня, по-отечески улыбается:

— О, Женечка! Иди сюда. — В полнейшем замешательстве я направляюсь к мужчинам. — Очень рекомендую. Ответственная, собранная, — он легонько касается моего плеча, вынуждая подойти еще ближе, — очень исполнительная. На нее всегда можно положиться.

Мне лестно слышать хорошие отзывы в мой адрес, но я смущаюсь пристального взгляда, которым меня сканирует Седов. Вблизи он выглядит старше. Вокруг глаз жесткие морщинки, на висках пробивается первая седина. Впрочем, ни то, ни другое его не портит.

На какое-то мгновение я даже подумала, что Дед Мороз решил заранее исполнить мои желания. Новая работа — пожалуйста, мужчина на горизонте — без проблем.

Глупости какие-то, но сердечко сжимается и начинает стучать чуть быстрее.

— Замечательно! Именно такого помощника я себе и ищу, — Константин Олегович протягивает мне руку, и я аккуратно, едва прикасаясь, жму ее. Ладонь у него теплая и чуточку шершавая, и мне кажется, что он удерживает меня на долю секунды дольше, чем того требует ситуация. — Идите, Евгения, сегодня будет подготовлен приказ о вашем переводе, завтра выходите на новое рабочее место.

— Хорошо, — киваю как кукла и иду прочь, еще не до конца понимая, что произошло.

Всего пятнадцать минут назад я была рядовым сотрудником, а теперь — помощник руководителя.

От эйфории меня штормит всю дорогу до детского садика. Я постоянно прокручиваю в голове этот разговор, воспроизвожу в памяти миг, когда получила повышение, а еще ощущаю теплоту *его* прикосновения. Почему *он* выбрал меня? Даже не проведя собеседование и не сомневаясь.

Точно Дед Мороз постарался.

Сегодня на удивление хороший день. Я даже не опаздываю. Мне уже стыдно перед воспитателем за то, что прихожу позже всех, и она вынуждена сидеть с одной моей девочкой, вместо того чтобы пораньше уйти домой, к семье.

Сейчас заберу Маришку, и мы пойдем с ней в магазин. Купим то самое печенье, про которое она мне все уши прожужжала, и, возможно, получим игрушечку на кассе — какого-нибудь резинового уродца в коллекцию. Не знаю почему, но дети от них прутся, и моя не исключение.

Это был прекрасный план. Просто великолепный. И он разлетелся вдребезги...

Уже на лестнице на второй этаж я нагоняю мужчину, неторопливо поднимающего по ступеням. Взгляд почему-то цепляется за широкие плечи и вихрастую темную макушку. На его волосах и воротнике еще не растаяли снежинки, и я ловлю себя на мысли, что хочу их стряхнуть.

Неуместное желание, которое приводит меня в смятение. Я обычно не замечаю других родителей, просто прохожу мимо, вечно опаздывая, а здесь словно крючком зацепило и не отпускает. Иду следом за женщиной, невольно принохиваясь. Он пахнет чем-то дорогим и вкусным. Этот запах вызывает странную тревогу и ломоту в груди, а еще тоску по чему-то важному, но давно утраченному.

Я только дивлюсь на свою реакцию и мысленно называю себя дурочкой. Подумаешь, мужчина. Это чей-то муж, отец, и наверняка есть кому стряхивать снег с его макушки. Почему-то становится немного обидно, и даже ощущение от теплой ладони Константина Олеговича гаснет.

Мы поднимаемся на второй этаж. Чей-то папа первый, я следом. Выворачиваем в коридор и идем в одном направлении, а спустя десяток шагов выясняется, что и к одной группе.

Он слышит мои шаги за спиной, отрывает дверь и галантно произносит, указывая рукой на вход:

— Прошу...

Его голос обрывается на середине фразы, а я вообще забываю о том, что надо дышать.

Это Денис! И он идет туда, где моя девочка!

От страха у меня подгибаются ноги и гремит в ушах.

— Привет, Жень, — хрипло произносит он, — ты сюда?

Я мотаю головой, потом выдавливаю из себя жалкий ответ:

— Нет.

Смотрю на него и не могу отвести взгляд.

Вроде все тот же, а на самом деле совсем другой. Он стал взрослее, серьезнее и привлекательнее. Тот тип мужчин, которые хорошеют с возрастом, превращаясь из шалопаев в харизматичных гадов с ироничной усмешкой.

Только сейчас не до усмешек. Он смотрит на меня так, словно встретил привидение.

— Ты за ребенком?

— Нет... я к заведующей. Про работу хочу узнать, — выдаю первое, что приходит в голову и краснею до кончиков волос. — Извини, мне некогда.

И, не позволив ему больше проронить ни слова, пролетаю мимо с такой скоростью, будто за мной гонятся демоны из преисподней.

Что он здесь делает? Что, мать вашу, он забыл в этом детском саду?! В нашей группе?!

Тут же вспоминаются слова Маришки:

Новый мальчик... у него такой красивый папа...

Едва завернув за угол, я хватаюсь одной рукой за стену, прижимая вторую к груди. Меня трясет, за ребрами беснуется сердце. Хочется сбежать, но я не могу. Моя дочка там, в опасной близости от своего биологического отца, и я боюсь, что он обо всем догадается, едва заглянет ей в глаза.

Я прячусь, как последняя идиотка, высываясь на каждый скрип двери. Кажется, проходит целая вечность, прежде

чем Орлов появляется за руку с сыном. О чем-то разговаривая, они неспешно удаляются, а я жадно смотрю вслед. Потом бегу к окну, чтобы увидеть, как Денис сажает пацана в машину, бросает долгий взгляд на сад и уезжает. Только тогда, мотаясь, словно пьяная, и ничего не понимая, иду за дочерью.

И снова забираю ее самой последней, нарушив все свои обещания.

Глава 2

Денис

Сталкиваться с прошлым иногда бывает очень больно. Вроде успокоился, смирился, отпустил, а тут раз — и встреча. И ты стоишь, как дурак, смотришь на нее, а в голове пульсирует «Женя, Женя, Женечка».

Хочется спросить, как дела, узнать, почему такая бледная и худая, но язык примерзает к небу, когда наталкиваюсь на ее взгляд.

Не простила... Все правильно, девочка. Все так. Я бы тоже не простил, если бы меня как котенка выкинули, сломав все надежды. Я тогда жестко с ней поступил, но по-другому не мог. И объяснить не мог, а сейчас уже не уверен, что ей нужны мои объяснения. Наше время прошло.

Сказать по правде, у меня где-то глубоко внутри болезненно сжалось, когда встретил ее в детском саду. Испугался одной мысли о том, что у нее есть муж, ребенок, семья. Чертов эгоист. У самого-то и сын есть, и жена.

Хотя какая это жена? Больная мозоль, от которой никак не получается избавиться.

Женечка сбегает от меня, почти ничего не сказав, и я бы побежал следом, но должен забрать Серегу. Танька опять на все забила. Позвонила полчасика назад и сказала, что у нее запись на маникюр, и она не может забрать сына из сада. Не

может, блин, забрать ребенка, потому что ногти пошла пилить! Это же так важно, мать твою! Без покрашенных когтей никуда!

Впрочем, я уже не удивляюсь ничему. Просто молча перевел сына в сад поближе к моей работе, чтобы вот в таких ситуациях можно было быстро отреагировать. А ситуации случались часто. По три раза в неделю.

Ребенок, которым тогда давили на меня и вынуждали погибать под идиотские условия, на деле оказался нужен только мне. Танька, которая поначалу разыгрывала целые спектакли с заламыванием рук и крокодиловыми слезами, на него откровенно забила и предпочитала при каждом удобном случае скидывать на няньку. Я не возражал, потому что нянька им хотя бы занималась, а вот у родной матери было только два режима: орать и игнорировать.

В черту ее. Бесит.

В группе тихо. Я заглядываю внутрь и вижу только двух детей: Сережку и девочку с белым хвостиком на макушке. Они вместе собирают пазл и смеются.

— Вечер добрый! — здороваюсь с воспитательницей и раскрываю объятия сыну, который тут же вскакивает и сломя голову бежит ко мне. — Как он сегодня?

— Все хорошо. Поел, поспал, погулял.

— И даже не хулиганил?

— Нет, — устало улыбается она, — золотой ребенок.

Ее бы слова да моей жене в голову вложить.

— Слышишь, Серый? Ты, оказывается, у меня золотой ребенок.

Воспитательница хмурится и выносит из спальни папку.

— Мы сегодня рисунки на Новый год готовили. Вот смотрите, — протягивает мне шедевр сына.

Там в центре изображена кривая елочка. С одной стороны не менее кривой человечек, держащий за руку кривого ребенка, а с другой — нечто непонятное серо-черное.

— Ммм... — пытаюсь что-то сказать, но мои познания в диагностике детского творчества весьма скромны, — концептуально. Это Дед Мороз такой?

— Это мама, — как ни в чем не бывало поясняет Сережа, вываливая из ящика скомканную одежду.

Ольга Алексеевна вопросительно смотрит на меня, и мне остается только разводить руками.

— Я художник, я так вижу, да, сын? — криво шучу, пытаюсь за шуткой спрятать свое напряжение.

— Да, — сосредоточенно пыхтит он, натягивая на себя свитер.

— Вы знаете, — аккуратно начинает Ольга Алексеевна, — у нас в саду очень хороший психолог. Занятия бесплатные. Если хотите, я могу узнать расписание.

— Спасибо. Я подумаю.

Мне неудобно, даже немного стыдно. Не за сына, а за то, что у него такая мать, которую иначе как черным и не нарисуешь. Воспитательница кивает и, пожелав хорошего дня,

уходит в группу к единственной оставшейся девочке.

— Ну что, художник? Давай собираться. Пора домой.

Я помогаю ему справиться с молнией на куртке, повязываю шарф, и мы за руку выходим из раздевалки. Он что-то болтает, а я отвечаю невпопад, потому что мысли заняты Женей.

Как у нее дела? Как сложилась жизнь? Я ведь ничего о ней не знаю. Как ушел тогда, так и запретил себе приближаться, узнавать подробности. Обрубил под корень, не оставив даже зацепок.

Так было надо. И от этого тошно.

Ловлю себя на мысли, что хочу ее дождаться и поговорить. Неважно о чем, неважно как. Пусть хоть пошлет на три буквы, лишь бы рядом была. Хоть чуть-чуть.

— Пап, ты чего? — спрашивает Сережа, когда я зависаю, всматриваясь в окна детского сада, мечтая хоть мельком увидеть знакомый силуэт.

Как сопляк, ей богу. Дело сделано, обратной дороги нет.

— Все хорошо. Просто садом твоим залюбовался. Красивый очень. Как думаешь?

Сын всегда воспринимает все мои слова за чистую монету, поэтому одобрительно кивает и устраивается в кресле. Я его пристегиваю, сажусь за руль и поспешно уезжаю подальше от соблазна, хотя отчаянно тянет назад.

Только дома мне удастся кое-как переключиться с мыслей о Жене, которые прожигают в груди дыру. Повод для такого

переключения весьма прозаический. Жрать нечего. Вот так, полный холодильник продуктов, а жрать нечего! Она снова ничего не приготовила! Конечно, блин, с такими-то ногтями!

Я радуюсь тому, что Серый Волчок поужинал в саду, и ставлю на плиту кастрюлю, чтобы сварить макароны. На хрена я все это покупаю, если ей лень даже картошку почистить и сделать банальное пюре? Я же не требую пирогов и ватрушек, но элементарное можно приготовить? Зато все мандарины спорола, хотя я их для сына покупал.

Градус бешенства повышается настолько, что мне хочется громить все, что попадется по руку, но нельзя. Я же приличный батя. Спокойный, собранный, не матерюсь и всеми силами стараюсь подавать хороший пример.

Чтобы хоть как-то успокоиться, хватаюсь за телефон и лезу в социальные сети. Мне хочется увидеть Женю. После нашей сегодняшней встречи у меня в груди разлад, даже дышать больно. Мне нужно хоть мельком, хоть краем глаза увидеть, как она живет.

Только это невозможно. Все ее странички оказываются закрытыми, и вряд ли она меня добавит в друзья, если попрошусь — скорее, будет пожизненный бан. Я откладываю телефон в сторону, потому что желание пообщаться с ней становится просто непреодолимым.

— Пап, пойдем смотреть спокойку, — прибегает Сережа и вытягивает меня из тяжелых мыслей.

Я смотрю на него, понимая, что никогда бы не смог поступить иначе. Я все сделал тогда правильно, а то, что за ребрами до сих пор болит и в груди расплзается пустота — это мелочи. Переживу как-нибудь.

Танька приходит, когда на часах уже почти одиннадцать. Не торопясь, раздевается в прихожей, вертится перед зеркалом и мурлыкает себе под нос песню. Такая довольная и счастливая, что я закипаю. Ей вообще ни хера не надо? Даже не позвонила, чтобы узнать, как сын, забрал ли я его, все ли в порядке.

— Смотри, какая красота, — сует мне под нос пальцы с кроваво-красными ногтями, — я сегодня женщина-вамп.

— А мне кажется, что сегодня ты охренела. Впрочем, как и всегда.

— Что опять не так? — она тут же куксится, прячет свой маникюр и недовольно поджимает губы.

— Ты считаешь, что это нормально — взять и свалить, в последний момент сообщив мне, что не можешь забрать ребенка из сада?

— Дорогой, ну не ворчи. Это было единственное свободное время перед Новым годом. Что я должна была сделать? Пропустить? И остаться с некрасивыми ногтями на праздник?

— Да, Тань! Именно так. Пропустить. Забить на маникюры-педикюры и вспомнить о том, что ты — мать!

Он морщится так, будто я ее обозвал нецензурным словом:

— Я не понимаю, в чем проблема. Сходила, сделала. Теперь у меня ухоженные руки, которые не стыдно показать людям, — ее голос дрожит от искреннего гнева. Она реально не догоняет, почему я на нее наезжаю. — Ты успел? Забрал его?

— Представляешь, успел. Отменил последнюю встречу и как сайгак побежал в детский сад.

— И что тебя не устраивает? Все всё успели.

— Да, успели. Пришли домой, а есть нечего. Ты не работаешь, сидишь дома, так какого хрена я должен приходить вечером и готовить?

— Пфф, а доставками-то пользоваться не учили? — она разводит руками. — Открываешь приложение, выбираешь что хочешь и заказываешь. Три минуты и никаких проблем.

— Тань, ты охренела. Просто охренела.

— А ты хочешь, чтобы я превратилась в неухоженную свинью, которая только и может, что сопли подтирать, сюсюкаться да жрать готовить!

— Не ори, он уже спит, — цежу сквозь зубы.

Мне до чертиков надоели наши скандалы, уже тошнит.

— Да плевать. Что теперь, сидеть тише воды ниже травы и бояться чихнуть?

Я хватаю ее под руку и тащу в кухню подальше от Сережиной комнаты.

— Пусти меня, Орлов! — она вырывается и толкает меня в грудь. — Что ты себе позволяешь?!

— У меня к тебе тот же вопрос. Ты себя ведешь как сука, которой ни до чего нет дела. Либо шляешься, либо на диване кверху жопой лежишь и ролики смотришь. Оглянись: дома развал, ни хрена не сделано!

— А ты включаешь крохобора и экономишь на нужном. Я давно тебе говорила, давай найдем домработницу. Она и уберется, и приготовит, и рубашки тебе погладит. Любой каприз за наши деньги. Но нет, ты жмешься, как упырь.

— Слушай, отличная идея. Давай найдем. И домработницу, и круглосуточную няньку, — я киваю, — сразу после того как ты ответишь на один вопрос: а на фиг ты вообще нужна будешь при таком раскладе?

— Я женщина, Ден! Женщина! А не придаток к этому спиногрызу! И уж тем более не поломойка и не повариха! — она моментально заводится и начинает визжать. — Ты, наверное, забыл об этом? Так я напомню! Я — женщина!

— Прекрати!

— Что прекрати?! Что?! Вот скажи, когда ты ко мне последний раз прикасался? Молчишь? — зло ухмыляется она. — Ну молчи, молчи. Я и сама знаю, что после родов стала уродиной.

— Все у тебя нормально после родов.

Он действительно выглядит хорошо. Стройная, подтянутая. Ни растяжек, ни отвисших титок, ни целлюлита.

— Да? Все нормально? Тогда давай прямо здесь и сейчас. Покажи мне, как ты меня любишь и хочешь.

Хватается за мой ремень на брюках и начинает его истощно дергать, пытаясь расстегнуть пряжку.

— Достаточно! — с силой сжимаю тонкое запястье, прекрасно зная, что делаю больно.

— Ай, пусти! — шипит она, вырываясь. — Совсем сду- рел.

— Не позорься.

— Я позорюсь? Я? Ты ко мне как к пустому месту относишься, даже оттрахать хорошенько не можешь, — замечает мою усмешку и зло добавляет, — или вернее сказать — не хочешь?

Демонстративно отпускаю ее руку.

— Что и требовалось доказать. Признавайся, у тебя другая баба появилась?

— Нет.

Перед глазами почему-то образ Женьки. Полжизни бы отдал, чтобы она посмотрела на меня как раньше: ласково и с огоньком. Но, увы, это невозможно.

— Что ты врешь, Орлов? — взрывается она. — А знаешь, что? Мне плевать! Я уже устала от такой скотской жизни! Устала от того, что ты относишься ко мне как к пустому месту. Тоже найду себе мужика и буду домой приходить только к ночи. Посмотрим, как тогда ты запоешь.

— Ты давно так делаешь, — меланхолично напоминаю ей

и достаю кружку. Надо выпить чая, а еще лучше чего-нибудь покрепче, чтобы успокоить нервы, которые звенят, словно провода под напряжением. В вытягивании жил моя дорогая жена не знает себе равных — заводит с пол-оборота.

— Что, думаешь, не найду? Еще как найду. Будешь тогда локти кусать.

Ой, блин. Скорее бы уже нашла и заткнулась.

— Скажи, Тань, а на что ты надеялась, когда настаивала на свадьбе? Что у нас все наладится? Что стерпится-слюбится? Что будем ходить за ручку и смотреть друг на друга влюбленными глазами?

— На фиг мне твои ручки сдались.

— Тем более. Я предупреждал и тебя, и твою семейку, что так будет. Между нами пропасть, и теперь поздно удивляться и строить из себя обиженную. У нас в принципе не могло ничего получиться.

— У нас ничего не получилось, потому что ты женился на мне только из-за ребенка! — обвинительно тычет в меня пальцем.

Не только, но, к счастью, о некоторых вещах моя благоверная не знает.

— Да. Из-за него.

— И при этом тебе плевать на его мать!

О как, теперь она уже мать.

— Ммм, хочешь, покажу, как наш сын рисует, — открываю фотку новогоднего шедевра, которую мне скинула Ольга

Алексеевна вместе с расписанием психолога, — зацени.

Она недовольно рассматривает изображение.

— И что? Какая-то кривая елка и человечки. Тоже мне шедевр.

— То есть тебя тут только елка напрягла? А вот это черное пятно нет?

— Я даже не могу понять, что это за фигня.

— Эта фигня — ты! То, как он тебя видит.

Танька равнодушно жмет плечами:

— Все понятно, художником ему не стать. Таланта — ноль.

Я ее сейчас убью. Бесполезный разговор. Она просто ничего не хочет понимать. Впрочем, как и всегда. В этом моя жена отличается удивительным постоянством.

Глава 3

Женечка

— Мамочка, смотри какая принцесса! — восхищенно вздыхает Маришка.

Мы сидим на ковре в гостиной, едим мандарины и смотрим мультики. Вернее, смотрит она, а я только делаю вид, на самом деле не понимая ничего из того, что происходит на экране. Все мои мысли крутятся вокруг сегодняшней встречи с Деном. Я до сих пор не могу дышать. Кажется, будто сорвали защитный полог, который я с таким усердием наращивала все эти годы, и снова закинули в прошлое, туда, где было чертовски больно.

Он такой... такой...

Я не могу подобрать слов и сказать какой. Только сердце щемит, когда вспоминаю наше прошлое и думаю о том, как все могло сложиться, если бы он тогда не променял меня на другую. Это Маришку бы забирал папа из сада, вел ее за руку, заплетал неуклюжие косички, а я бы встречала его с работы и была бы самой счастливой женщиной на свете.

Мечтательница. У него есть та, которая встречает.

— Я буду такая же красивая? — не унимается Марина, наблюдая за принцессой.

— Еще красивее.

— И у меня будут такие же длинные волосы?

— Малышка, у тебя будет такая прическа, какую ты только захочешь.

— И корона? — хмуро спрашивает она.

— И корона, — смеюсь.

Только смех выходит хриплым и неестественным, потому что по телевизору начинается реклама. Счастливое семейство — мама, папа, два ребенка — идут за руки по парку и смеются. Сегодня мне физически больно на это смотреть. Я вспоминаю, как Денис вел своего сына, и испытываю смесь зависти и обиды. Завидую той, другой, женщине и обидно за своего маленького зайчика, который не знает, что такое папа.

Реклама заканчивается, и дочь, как зачарованная, смотрит на экран, потеряв связь с реальностью, а я снова погружаюсь в тяжкие думы.

Что делать-то, а?

Сегодня соврала про работу, а завтра что? Вдруг мы опять столкнемся? И ладно если при входе, а что если в тот момент, когда буду забирать ребенка? Как же нас так занесло в одну группу? Он ведь на другом конце города живет! Шанс встретится на улице — один на миллион, а мы взяли и встретились. И наверняка еще встретимся.

Я не знаю, как выбраться из этой западни и обезопасить себя и дочь от дальнейших проблем и ненужных вопросов. Даже начинаю подумывать о том, чтобы забрать ее из сада и отвезти к матери в деревню за сто километров от города. Но как представляю, что не увижу свою девочку хотя бы день,

так становится совсем тошно. Нет. Это не вариант.

Может, ее просто перевести в другой сад? Сбежать, трусливо поджав хвост, и дело с концом? Тоже жалко. Сад хороший, по пути с работы, воспитатель очень грамотный, Маришка с ребятами подружилась.

Проклятье, Орлов! Чтоб тебе пусто было! Свалился как снег на голову и спутал мне все карты. И так жизнь непростой была, а теперь и вовсе не знаю куда бежать, за что хвататься.

От душевных терзаний меня отвлекает телефон. Он тихо пиликает и мигает экраном, сообщая о новом письме. Я в недоумении смотрю на незнакомый номер, но все-таки открываю.

«Добрый вечер, Евгения Александровна. Поскольку вы теперь мой помощник, я вынужден попросить вас завтра сопровождать меня на одной из встреч. Придется немного задержаться, но я искренне надеюсь, что внеплановая премия компенсирует доставленные неудобства. Седов К.А.».

Надо же, какой вежливый. Другой бы на его месте и предупредить не стал, просто поставил бы перед фактом и все, а этот просит, да еще и премию обещает.

«До которого часа придется задержаться?»

«До семи. Сможете?»

Пфф, не очень, конечно, удобно, но отказать новому боссу я не могу. Во-первых, мне с ним еще работать и работать, во-вторых, премия нам с Маринкой не помешает, а в-тре-

тых, мне нравится то, как он обращается. Без гонора и надменности, по-человечески. Сразу хочется пойти на встречу. Надо только решить, как быть с садиком.

Я звоню своей лучшей подруге — Лане Ефремовой:

— Привет, Женек, — у нее играет музыка и слышны чужие голоса. Лана работает управляющей в небольшом кафе, и сейчас у нее разгар рабочего дня, — что случилось?

— Привет. Скажи мне, дорогая моя Ланочка, как ты завтра работаешь?

— Маришку надо забрать? — она понимает меня без лишних слов.

— Да. Попросили задержаться на пару часов на работе. Закончу в семь и сразу прибегу.

— Без проблем, заберу. Я завтра как раз выходная и планов никаких нет.

— Ты моя спасительница, — облегченно выдыхаю в трубку.

— О чем речь. Обращайся. Сейчас, извини, мне бежать надо. Клиент требует продолжения банкета.

— Да-да, конечно, — тараторю, — спасибо тебе огромное!

— Спасибо на хлеб не намажешь. С тебя торт и дружеские посиделки.

— Непременно.

— Все, Жень. Пока.

Мы прощаемся. Я целую дочку в макушку и отправляю

ответ Седову.

«Я согласна».

— Все, зайка, пойдем умываться и спать, — беру Маришку на руки и выключаю телевизор, — мультик закончился, герои баиньки пошли, и нам пора. Завтра в гости к тете Лане пойдешь.

— Ура! — радуется дочка.

У подруги дома живет толстый, ласковый до безобразия кот, поэтому каждый поход к Ефремовой превращается для Маришки в праздник.

— Но для этого надо хорошенько отдохнуть, потом сходить в садик и там слушаться Ольгу Алексеевну. Справишься?

— Да.

— Ты моя умница, — целую розовую щечку.

— Расскажешь мне сказку?

— Конечно. Сейчас зубки почистим, пижаму наденем, и расскажу.

На работу я прихожу заранее и в полной боевой готовности: юбка-карандаш, белая блузка, низкие каблукы. Пока никого нет, раскладываю свои вещи по ящичкам, включаю компьютер, проверяю рабочую почту и собираюсь с духом.

Когда без десяти восемь приходит Константин Олегович, я уже готова. Проворно поднимаюсь и приветствую его:

— Доброе утро.

— Здравствуйте. Зайдите ко мне через пять минут, — строго произносит он.

Я немного теряюсь, но быстро прихожу в себя. А чего я, собственно говоря, хотела? Что он будет сюсюкать и кланяться? Нет, конечно. Он большой босс, я его помощница. Так что все верно.

Выжидаю положенные пять минут, потом хватаю ежедневник и иду к нему. Седов уже за своим рабочим столом. Ровняет под себя монитор, аккуратно раскладывает папки, проверяет телефон.

— Так, Евгения. Сегодня сложный день. Записывайте.

Я записываю: позвонить одному, второму, третьему; отправить коммерческое предложение; запросить документацию по последней сделке; подготовить материалы к встрече и так далее. Список на два листа.

Не представляю, как все это можно сделать за один день, но сосредоточенно киваю и продолжаю писать.

— Все понятно? — спрашивает в конце. — Есть вопросы?

— Нет.

Ни единого вопроса, кроме того, где бы мне взять еще пару рук.

— Тогда приступайте.

Сдавлено кивнув, выхожу из кабинета, чувствуя, как начальник смотрит мне вслед. Наверное, тоже сомневается в моих силах, и я должна очень постараться не ударить в грязь лицом.

Занимаю свое рабочее место, выдыхаю, позволяя себе на мгновение расслабиться, а потом твердо произношу:

— Поехали.

Весь день как белка в колесе. Вроде справляюсь, но вместо обеда перехватываю кружку кофе и две зефирки — на большее просто нет времени. Потом мы собираемся и едем на встречу на другой конец города.

В пять, когда мероприятие в самом разгаре, у меня тихо гудит телефон. Украдкой открыв сообщение, я читаю, что Лана уже забрала дочку, и они лепят снеговика во дворе. Следом фотка того самого снеговика и счастливой Маришки. Я очень жалею, что не могу к ним присоединиться, и даю себе очередное обещание — хоть раз забрать мелкую пораньше.

— Евгения, подайте, пожалуйста, вон ту папку, — от сожалений меня отвлекает требовательный голос начальника.

Я прячу телефон и снова впрягаюсь в работу, тайно надеясь, что после встречи он меня отпустит, но, увы — придется возвращаться в офис. Мне нужно срочно подготовить обновленный договор и отправить его по электронной почте, а еще сделать несколько контрольных звонков.

Когда я с этим заканчиваю, в офисе уже никого нет. Все разошлись. Остались только мы, пара бедолаг в другом отделе да охранник на первом этаже. Мне тоже хочется домой, но времени еще только половина седьмого, начальник вполне может дать мне еще парочку заданий.

— Евгения, зайдите ко мне, — зовет меня по селектору.

Я устало вздыхаю, поднимаюсь и заглядываю к нему в кабинет.

— Да, Константин Олегович.

— Сделайте мне, пожалуйста, кофе, — смотрит на меня долгим задумчивым взглядом, — крепкий, две ложки сахара, без молока.

— Секундочку. Сейчас сделаю.

К счастью, задание оказалось совсем простым. Жму нужные кнопки на кофемашине, добавляю сахар и на красивом подносе несу начальнику кофе, дополнительно прихватив вазочку с зефиром.

Он сидит в кресле, устало прикрыв глаза и потирая виски, и мне даже становится его жаль. Первый день на новом месте и уже весь в заботах.

Ставлю перед ним поднос:

— Пожалуйста, ваш кофе.

Он поднимает на меня странный взгляд. Сначала смотрит на лицо, потом спускается ниже — на блузку, а затем скользит вниз до кончиков туфель. Я старательно улыбаюсь, хотя в голове звенят тревожные колокольчики:

— Что-то еще?

— Да, — отъезжает на стуле назад, — давай под стол.

— Что простите?

— Я вроде ясно выразился, — взглядом указывает на свой пах.

На меня нападает ступор. Я смотрю на него, наверное, минуту, прежде чем через силу из себя выдавливаю:

— Это шутка такая?

— Я похож на шутника? — поднимает темные брови и смотрит в упор, как равнодушная змея.

— Я... Я... — у меня пересыхает в горле. Не могу ничего сказать.

— Вы — моя помощница, а мои помощники должны быть готовы к любым заданиям.

Может, он меня проверяет? Наверняка проверяет! Решил узнать, каков мой моральный облик, на что я готова ради денег.

— В мои обязанности не входит удовлетворять вас после тяжелого рабочего дня.

Я говорю это четко, строго, чеканя каждый слог. Я свои инструкции знаю, прочла от корки до корки. Пусть проверяет, сколько хочет.

— А ты думаешь, премию просто так дают? За то, что бумажки с места на места перекладываешь и по телефону болтаешь? — он спрашивает это с таким пренебрежением к моей сегодняшней работе, что я невольно краснею.

Какая-то неправильная проверка. Слишком уж наглая и бесцеремонная.

— Пожалуй, я пойду.

Вместо ответа он одним резким движением хватает меня за руку:

— Не так быстро, Женечка. Мы еще не закончили.

— Что вы себе позволяете?!

— Ничего такого особенного. Я посмотрел твоё личное дело — ребенок у тебя есть, так что ты точно знаешь, откуда они берутся. Поэтому не строй из себя недотрогу. Чем лучше будешь стараться, тем крупнее премия. Вперед.

Ни черта это не проверка! Он реально предлагает мне залезть под стол, расстегнуть ему брюки и...

У меня перед глазами темнеет. Не осознавая, что творю, хватаю кружку с кофе и выплескиваю её содержимое нагледцу на то самое место, к которому он предлагает прикоснуться. Напиток ещё горячий, поэтому босс вскакивает, ошпаренный, шипит, смахивая с себя жидкость, а я, воспользовавшись моментом, выскакиваю из кабинета.

Мне в спину несутся угрозы и обещания стереть в порошок.

— А ну стоять! — рычит он.

Срываю с вешалки куртку, хватаю свою незакрытую сумку, из которой во все стороны торчит барахло, и бегу прочь.

Мне страшно, что он бросится меня преследовать, поэтому, едва завернув за угол, прячусь в первый попавшийся кабинет и, как оказывается, не зря. Буквально через минуту Седов проносится мимо. Я слушаю топот его ног и не могу дышать. Всю трясет. От страха, обиды и отвращения. Даже тошнит.

Вот козлина. Я даже подумать не могла, что в первый же

день моя новая работа обернется таким кошмаром.

Мне приходится сидеть в кабинете еще полчаса, не меньше. Все кажется, что сейчас выйду, и босс на меня набросится. Поэтому дожидаясь, когда его машина уезжает с парковки, и только тогда спускаюсь вниз, вызывая такси.

Охранник смотрит на меня, как на умалишенную:

— Жень, ты чего здесь забыла в такой час? Уже все ушли!

— Работала, Лёнь. Я просто работала, — говорю, а сам чуть не реву. Как вспомню холодный взгляд нового начальника, так ком поперек горла встает.

— Делать тебе, что ли, нечего? Всех денег не заработаешь.

Я знаю. Только что отказалась от премии и от новой должности тоже.

— Проект завершала, — тяжело вздыхаю, натягиваю шапку по самые брови.

— Завершила?

— Да.

Еще как завершила. Ноги моей больше в том кабинете не будет. Пусть сам себе помогает после долго трудового дня и премию сам себе за старание выписывает. А я перебыюсь.

— Вот и правильно. Отдыхать надо. Скоро Новый год, мандарины, праздник, а ты выглядишь, как перепуганная мошь.

— Спасибо тебе, добрый человек, — я грустно усмехаюсь, поправляю шарф.

— Ты ж знаешь, я любя.

Он действительно не со зла. У Лёни десять классов образования и полное отсутствие такта. Зато добрый.

— Угу, знаю, — прощаюсь с ним и выхожу на улицу.

Под вечер становится морозно, под ногами хрустит снег, а я прыгаю на ступенях, жду такси и пытаюсь не зареветь.

Сходила поработала, мать вашу. Лучше бы дочь нормально из сада забрала и снеговика с ней слепила.

По пробкам и нерасчищенным дорогам добираюсь до дома неприлично долго. Уставшая, несчастная, измученная я поднимаюсь не к себе на пятый, а на два этажа выше, туда, где живет Лана.

— Ого, — только и выдает она, когда открывает дверь и видит мою осунувшуюся физиономию, — кто-то переработал?

— Кто попал в очередную ж... Привет, малышка, — ко мне выбегает Маришка.

На ней новая пижама с котиками и авокадо:

— Смотри, что мне тетя Лана подарила.

Тете Лане надо дать по этой самой ж... Вечно она мелкую балует: то игрушки, то одежда, то всякие сладости.

— Очень красиво! — обнимаю девочку, а сама с укором смотрю на подругу.

Та только руками разводит, дескать, что хочу, то и делаю.

— Мы слепили снеговика, потом ели сосиски-осьминожки и наряжали елку, — взхлеб рассказывает Мариша.

— У мамочки твоей, кажется, тоже был насыщенный день.

— Не то слово.

— Есть будешь?

Я только тут понимаю, что желудок сжимается от голода.

— Да.

— Прости, но сосисок-осьминожек не осталось. Будут обычные.

Она уходит в кухню, а я стягиваю шапку, шарф, вешаю куртку на крючок и иду в ванную мыть руки. Маришка идет следом за мной и болтает без умолку о том, чем еще занималась.

Мне стыдно, что столько важного прошло мимо меня, в то время как я пыталась произвести впечатление на какого-то козла.

— В выходные мы с тобой тоже будем ставить елку, — торжественно обещаю ей, — выкинем из дома старое барахло, освободим самое почетное место для елочки и будем наряжать.

— И под ней будут подарки?

— Будут, — целую ее в макушку, — беги мультики смотри, а то скоро домой пойдем спать.

Лана уже по-быстрому накидала на стол: тарелку с гречкой и парой сосисок — для меня, две чашки чая — для нас.

— Прости, торт не успела купить. Не до него было, — плюхаюсь на стул и зову дочь, — Мариш, чай будешь?

Она уже с головой ушла в мультик и игнорирует мой вопрос.

— Теперь будешь должна два, — сурово произносит подруга и усаживается напротив меня, — ну давай рассказывай, что у тебя происходит. Ты вообще сама на себя не похожа. Бледная. Нет даже зеленая.

— Позеленеешь тут, — ворчу я, подтягивая к себе тарелку, — мне сегодня новый начальник предложил удовлетворить его орально прямо на рабочем месте. Даже не предложил, а приказал.

— Чего?! — она давится чаем и кашляет. Приходится спасать. Стучу ей по спине, пока спазм не проходит. — Ты серьезно?!

— Угу, — сконфуженно киваю, — даже премию обещал. В зависимости от того, насколько буду стараться.

Представляю эти старания и тошнит.

— Надеюсь, ты ему врезала? — сипит она, вытирая слезы.

— Нет. Просто плеснула горячим кофе на причиндалы и сбежала.

— Тоже неплохо. Вот козлина.

— Да. Сначала показался очень хорошим, серьезным, ответственным, и когда выбрал меня к себе в помощницы, я очень радовалась.

— Может, ты его спровоцировала чем? — аккуратно уточняет Лана. — Ну, может, взгляды долгие, пуговица расстегнутая?

— Издеваешься? Где я и где провокация. Разве что ползала по полу кверху каком, когда ручку искала.

— Во! А говоришь не провоцировала, — нервно смеется она, — при некоторых мужиках только стоит нагнуться — и все, они уже готовы.

— Очень смешно.

— Ладно, не ворчи. Я пытаюсь тебя развеселить. Что теперь планируешь делать?

— Уйду с этой должности в свой захудалый отдел.

Лана только качает головой:

— Не, Женечка. Я тебе советую новую работу искать. Большие начальники не прощают, если им бубенцы кипятком обливают. Готовься.

— Ну не настолько же он урод, должен понимать, что у меня ребенок, мне эта работа нужна.

— Жень, очнись. Он тебя рот пошире попросил открыть, а ты его обломала. Думаешь, это никак не отразится на работе? И скажи мне, пожалуйста, когда это мужиков чужие дети волновали? Они и своих-то зачастую не замечают.

— Кстати, о детях... Я встретила Дениса.

Глава 4

Лана недоверчиво смотрит на меня и почему-то спрашивает шепотом:

— Орлова?

— Ну а какого еще?

— Где ты его откопала?

— У него, оказывается, сын ходит в одну группу с Маришкой.

Лана мрачно заглядывает в свою кружку и горестно вздыхает:

— Тут нужно что-то покрепче чая.

— Валерьянки. Ведро. А лучше два.

— Он видел дочь?

— Нет. Мы столкнулись с ним на подходе к группе, и я соврала, что пришла устраиваться на работу, потом пряталась, пока он не ушел.

— Зачем?

— В смысле зачем?

— Давно пора сказать ему, что есть Маришка. А то делали вдвоем, а вытягиваешь одна. Хватит его жалеть, пусть крутится.

— Лан, я не его жалею, а себя. Вчера пообщалась с ним ровно минуту, так всю ночь не спала, в груди ломило.

— Как поломало, так и прошло.

— Ты не понимаешь. Если он узнает про дочь, то мне придется с ним общаться. А я не хочу! Не могу!

— Тихо ты! Не буянь, а то сейчас Марина услышит, и будешь ей объяснять, про какую такую дочь идет речь и с кем ты не можешь общаться.

Она права. Я затыкаюсь и испуганно прислушиваюсь. В комнате все спокойно: идет мультик, дочка смеется над героями.

— У него жена, ребенок, — горько шепчу я.

— И что? Ты же не собираешься уводить его из семьи, и ребенок ваш получился, когда еще Ден не женат был. Вопрос с женой пускай решает сам. Не захочет общаться — его проблемы. Пусть хотя бы алименты платит.

— Да на кой фиг они мне сдались?!

— Конечно, ты же у нас богатая. Кредиты, квартплата, ребенок маленький на руках. Действительно, зачем тебе алименты? Глупость какая. Лучше на работе подыхать, хватаясь за сверхурочные, — ядовито выдает она, — Ах, да! Забыла! Теперь же еще новый босс появился. На премию насосать можно. Эх, и пошикуешь тогда!

— Не смешно.

— А никто и не смеется. Надо сказать ему правду.

— Он меня бросил! Просто взял и свалил в туман, а через месяц уже женился на другой. И я пойду с ним разговаривать? Как бы ни так! У меня гордость есть.

— Гордость? Уверена? Больше на гордыню похоже.

Иногда я просто ненавижу свою подругу за то, что она говорит очень неудобные и болезненные вещи.

— Уверена.

— А в том, что Маришка тебе потом спасибо скажет, тоже уверена?

— Я только ради нее и стараюсь. Из последних сил.

— Женя! Ты вечно пропадаешь на работе, бледная, измученная и голова твоя всегда забита проблемами и мыслями о том, как выплыть. Такая самоотверженность, конечно, похвальна... но снеговика сегодня с ней лепила я.

Мне больно это слышать, и на глаза набегают слезы.

— Не вздумай, — Лана грозит пальцем, — никаких слез из-за мужиков.

— Да не из-за них это, — шмыгаю носом, — а из-за того, что я такая непутевая мать.

— Ты отличная мать, но пора признаться самой себе, что помощь лишней не будет.

— Я не смогу. Когда Орлов ушел, у меня в груди дыра размером с кулак образовалась. И она до сих пор не затянулась. Он тогда просто собрал вещи и ушел. И больше не было ни звонков, ни писем. Я словно перестала для него существовать. Думаешь, это так просто пережить?

— Непросто, — он отводит в сторону взгляд и замолкает.

У нее тоже есть своя история боли, которую она тщательно скрывает даже от меня.

— Вот и я о том же.

— Жень, но ведь Денис бросил тебя, а не ребенка. Или думаешь, он такая скотина, что отвернется от нее, если узнает? Будет орать из-за того, что посмела оставить?

Я вспоминаю, как он вел сына за руку и улыбался. Снова щемит под ребрами, но я категорично произношу:

— Он никогда так не скажет.

Денис всегда был крайне положительным и надежным человеком с твердыми моральными принципами и правильной мужской позицией.

Кроме того случая, когда, будучи несвободным, связался со мной

Наверное, я все-таки неисправимая оптимистка, потому что, несмотря на предупреждение Ланы, все-таки надеялась, что мне удастся избежать проблем на работе, что смогу потихому, мирно и без скандала уйти от нового босса на прежнее место. А он пускай себе другую дуру ищет, которая за премию будет на коленях ползать и щеки тянуть.

Собиралась я очень тщательно. Даже с большим вниманием, чем вчера, когда хотела произвести на него впечатление. Только на этот раз все с точностью до наоборот. На мне были широкие штаны, в которых не угадаешь, где заканчивается талия и начинается задница. Наверху — светлая, но бесформенная водолазка. Ничего, что могло бы привлечь мужское внимание и разжечь сексуальный интерес. Даже краситься не стала.

Пусть видит, что я обычная, простая и совершенно не го-
жусь на роль роковой красотки, готовой к служебным рома-
нам.

Вести себя решила скромно. Извинюсь за то, что не оправ-
дала надежды и прополоскала его бубенцы в кипятке, пока-
жусь, что я «не такая», и разойдемся друзьями. Ладно, может,
и не друзьями, но хотя бы сохраним холодный нейтралитет.

К сожалению, по причине отсутствия начальника на рабо-
чем месте сходу эту проблему решить не удалось. Его ком-
пьютер был включён, пальто висело на вешалке, но самого
Константина Олеговича не было. Возможно, решил получ-
ше ознакомиться со своими новыми владениями, а может,
какое-то внеплановое собрание. Не знаю. Но самовольно без
предупреждения перейти обратно я не могла, поэтому при-
шлось вернуться в приемную.

Я принимала звонки, делала пометки в блокноте, готови-
ла документы. В общем, выполняла свои обязанности в пол-
ном объеме, не забывая посматривать на часы.

Где его носит? Каждая минута ожидания лишает меня ча-
стички уверенности в собственных силах и спокойствия.

Когда на часах был уже почти полдень, он, наконец, появ-
ляется. Бодрым шагом заходит в приемную и, заметив меня,
хмурится. Я встаю со стула и с натянутой улыбкой произно-
шу:

— Добрый день.

— Зайди ко мне через полчаса.

Взгляд сам опускается на то место, куда я ему кофе плеснула, и в горле пересыхает.

— Хорошо.

Вроде не злой. Хмурый, но не злой. Может, понял, что перегнул палку, и нельзя было такое предлагать новой сотруднице? Да и любой другой.

Эти полчаса сижу как на иголках. Снова проговариваю про себя речь, собираюсь духом. Когда приходит время, желаю себе удачи и иду к нему.

— Константин Олегович...

— Проходи, — произносит, не глядя на меня, что-то быстро печатая на компьютере, — минуту подожди.

Я жду. Сажусь на стул напротив него и жду, сложив руки на коленках. Он будто специально испытывает мое терпение: сначала набирает, потом отправляет, потом звонит и уточняет все ли пришло. Я наблюдаю исподтишка, пытаюсь понять, какое у него настроение, ждет ли меня кровавая расправа или все пройдет тихо-мирно.

Наконец, начальник заканчивает свои дела и, облокотившись на стол, смотрит на меня. Ждет, не начиная разговор первым, а я внезапно теряюсь.

Ну же, Женя, хватит тупить!

— Константин Олегович, я сегодня всю ночь думала о том, что вчера произошло.

Мужчина вопросительно поднимает брови, ожидая продолжения. Голос почему-то пропадает, приходится откаш-

ляться, прежде чем я могу продолжать:

— Во-первых, я хочу извиниться за то, что облила вас кофе. Это было рефлекторное действие, я не контролировала себя. Простите, некрасиво получилось. Во-вторых, — оттягиваю воротник водолазки, который внезапно начинает душить, — я уверена, мы просто неправильно друг друга поняли. Вчера был сложный день, стресс от новой работы. И у вас, и у меня... Мы просто сорвались.

— И?

— И я подумала, что для всех будет лучше, если мы просто забудем об этом инциденте, и я вернусь на свое прежнее рабочее место.

— Неправильный ответ, Женечка, — на красивых губах расцветает холодная ухмылка.

— Какой же, по-вашему, я должна была дать ответ?

— Я все обдумала, Константин Олегович, поняла, что была неправа и готова исправиться, — подсказывает он.

— Под «готова исправиться» вы подразумеваете: залезть под стол и сделать то, о чем вы вчера просили?

— Можешь под стол, можешь на стол — мне все равно.

— Спасибо, но нет.

— Куда же ты денешься?

— Я от вас ухожу на прежнее место.

Он снисходительно улыбается:

— Серьезно? Вот так просто пойдешь работать в отдел, в котором уже не числишься? Без моего разрешения? Без

моей подписи в приказе о переводе?

Лана была права. Как всегда. Все-таки придется мне искать новую работу.

— Хорошо. Значит, я просто уволюсь, — беру лист с его стола, ручку и размашистым почерком пишу заявление на увольнение.

Мне плохо до тошноты. Зачем я согласилась стать его помощницей? Сейчас бы сидела спокойно на своем месте и разбирала бумажки, а какая-нибудь другая женщина краснела и мучилась от всего этого.

Уйти-то ведь просто. Заявление написал и к стороне. Я даже две недели отрабатывать не буду — на больничный сяду. Это не проблема. Только вот жить-то на что-то надо. Вряд ли я найду новое место, едва выйдя за дверь. Хотела подарки Маришке хорошие купить, а теперь придется растягивать отложенные деньги, чтобы хоть как-то дотянуть до новых выплат.

В жизни не думала, что попаду в такую ситуацию. Стыдоба.

Константин Олегович молча наблюдает, как пишу это несчастное заявление. Я кожей чувствую его интерес. Хоть бы отвернулся, гад, сделал вид, что не замечает. Но нет, он смотрит в упор, терпеливо ждет.

— Вот, пожалуйста, — ставлю жирную точку и пальцами подвигаю к нему лист.

— Надо же, как интересно, — он его берет и внимательно

читает, кивая и добавляя глубокомысленное «угу». — Просто великолепно.

А потом просто берет и рвет этот лист пополам

У меня ступор. Смотрю на него с открытым ртом, хлопаю глазами и не понимаю, что происходит.

— Я напишу еще одно.

— Его ждет та же участь.

— Отнесу сразу в отдел кадров.

— Тебе же хуже.

Я давлюсь от бессильной ярости:

— Что вы ко мне привязались?! Найдите себе какую-нибудь грудастую красотку и возите ее по столу сколько захотите! Я-то вам зачем нужна? Обычная мать-одиночка с ребенком и забитой проблемами головой. Мимолетные интрижки «для блеску глаз» мне не интересны. До вас и вашего удовлетворения мне вообще нет никакого дела.

— Это игра, Женечка.

— Не называйте меня Женечкой, — я поднимаюсь на ноги, — так ко мне обращаются только самые близкие люди.

— Почти про нас. Не сегодня так завтра ты все равно сделаешь так, как я скажу.

— Перебьетесь, — я уже разозлилась настолько, что парвалит из ушей. Было бы под рукой кофе, я бы не только ему на портки, но и в морду плеснула.

— Я не подпишу твое заявление.

— Тогда я просто больше не выйду на работу. Ставьте

прогулы.

— Непременно, — он снова улыбается, и эта улыбка вымораживает меня больше всего.

Ненавижу.

— До свидания.

Почти удастся дойти до выхода, когда слышу его задумчивое:

— Мать-одиночка, говоришь?

Мне не нравится его тон. Интуиция вопит во весь голос об опасности.

— Да. У меня дочь. Четыре года.

— Тяжело, наверное, одной с ребенком?

— Нормально. Справляюсь.

— Уверена? — ласково, как дурочку, спрашивает он. — А если проверить?

— Пфф, приходите, проверяйте, если вам делать больше нечего.

— Я занятой человек, ты же знаешь. Я даже любовницу на работе ищу, чтобы не отвлекаться лишний раз.

— Что ж, удачи вам в поисках. До свидания. Я здесь больше не появляюсь.

— Не торопись, — останавливает меня, — я тебе дам время на размышления. До понедельника.

— Спасибо, не надо.

— Надо. Отдохнешь, подумаешь, может, мысли какие-то дельные появятся.

— Выходные я потрачу на то, чтобы найти новую работу.

Опять эта улыбка, от которой волосы встают дыбом. Я больше не могу здесь находиться, поэтому решительно хватаюсь за ручку и распахиваю дверь.

— Ты любишь приятные сюрпризы, Женечка? — доносится мне в спину.

— Ненавижу.

— Очень жаль.

Я захлопываю за собой дверь.

Пошел ты на хрен, Константин Олегович. Ищи другую дуру и устраивай ей свои сюрпризы. Ноги моей больше тут не будет. Хватаю вещи и с чистой совестью выхожу в коридор.

Хотя вру. Мне страшно, и я пока не представляю как жить дальше.

Глава 5

Денис

— Ты опять на меня орешь! — у Таньки обиженно дрожит голос.

— Как не орать-то? Вчера ты умотала на ногти, сегодня тебе надо стричь волосы и обязательно в тот момент, когда надо забирать сына из сада!

— Знаешь, как сложно попасть к хорошему мастеру? Я, между прочим, заранее записывалась! Еще в ноябре. И то уже мест не было!

У меня сейчас нервный тик начнется:

— То есть ты уже месяц назад запланировала этот поход?

— Да, любимый.

— Так какого хрена сегодня утром не предупредила об этом, когда я тебя спросил, заберешь ли ты ребенка?! Ты мне что ответила? Напомнить?

Эта зараза клятвенно заверила меня, что все сделает, а я, дурак конченный, еще подумал: надо же, решила стать путной мамашей. Ага! Размечтался!

— Не ворчи, Котик. Я просто запамятовала.

Ненавижу, когда она начинает использовать уменьшительно-ласкательные прозвища. Всякие там котики, зайчики, солнышки. К ребенку бы лучше так обращалась, а то как к постороннему: Сергей. И все.

— Так ты заберешь его? Или звонить няне?

Мысли о том, что надо позвонить в салон, у нее просто не возникает.

— Заберу.

Бросаю трубку и устало тру виски. Не знаю, на сколько еще меня хватит. Я реально на грани, очень хочется послать все к черту и поменять, наконец, свою жизнь. Начать все заново.

Я заканчиваю дела и еду в детский сад немного раньше обычного. Убеждаю себя в том, что так просто вышло, но на самом деле понимаю — делаю это, чтобы иметь возможность пройти по саду и узнать, где работает новая сотрудница.

У меня все мысли только о Жене. Я снова начал, как одержимый маньяк, высматривать ее в толпе, прислушиваться, надеясь услышать родной голос, а мысль о том, что снова могу встречу ее в детском саду, отзывалась таким бешеным сердцебиением, что не хватало воздуха.

Оказавшись в садике, я не иду сразу в группу, как это делал всегда. Нет. Я зачем-то прохожусь по этажу, украдкой заглядывая за каждую дверь, слушаю, принимаюсь в надежде уловить знакомые духи.

Так глупо. И, конечно же, безрезультатно. Я ее не нашел, но зато на втором этаже наткнулся на бдительную воспитательницу:

— Молодой человек, — зычно окликнула она натренированным воспитательским голосом, от которого захотелось

вытянуться по струнке, — что вы здесь делаете?

— Я... э...

А что я, собственно, действительно делаю?

— У вас документы есть?

— Да, конечно, — лезу в карман и достаю паспорт с правами, — вот.

Она заглядывает туда одним глазом, даже не читая, и снова повторяет вопрос:

— Так что вы здесь делаете?

— Смотрю оснащение групп, — выдаю первое, что приходит в голову.

— С какой целью?

— У меня сын на Колокольчиках. Вот думаю, что бы им туда прикупить, но идей нет. Ходил, присматривался.

— Так спросили бы у Ольги Алексеевны, она вам скажет, что нужно.

— Сюрприз хотел сделать к Новому году.

Взгляд педагога немного потеплел.

— Очень приятно, когда родители понимают, что сад надо поддерживать. Это же все для их детей, а не для кого-то.

— Я тоже так думаю. Всегда приятно помочь, тем более когда видишь, как стараются педагоги.

— У нас очень хороший коллектив. Все воспитатели ответственные, опытные, с горящими сердцами.

— А молодых не берете, что ли? — спрашиваю в шутку, выводя разговор в нужное мне русло.

— Были бы еще они. Эти молодые. Их сейчас не затащишь работать ни в сад, ни в школу. Ответственность большая, нервов много, а зарплата скромная. Вот и не идут они.

— Совсем не идут?

— Бывают. Но обычно не выдерживают испытательный срок. Так что молодняк у нас нынче редкость.

— Неужели вообще никого нового не приходило в последнее время?

— В этом месяце никого. На собеседование придут, общаются и сбегают. Мне, кстати, тоже пора бежать. Хорошего вечера. Не забудьте у Ольги Алексеевны спросить про подарок.

— Непременно. До свидания.

Мне еле удастся скрыть разочарование. Новых сотрудников нет. Значит, Женя не захотела здесь оставаться, а я так надеялся ее увидеть...

Недовольную рожу приходится оставить за дверью. Прячу разочарование, раздражение и другие ненужные чувства и захожу в раздевалку:

— Здравствуйте.

Ольга Алексеевна развешивает на доске детские рисунки, одним глазом посматривая на ребят. Я украдкой кошусь на шедевры и облегченно выдыхаю: хорошо, что это простые снежинки, а не портрет мамы, а то бы Серега там такого наваял, что хоть стой, хоть падай.

— Добрый вечер, — улыбается она, — сегодня тоже ре-

шили раньше забрать?

— С работы просто сбежал. Как там мой хулиган?

— Прекрасно, — она заглядывает в группу и зовет, — Сережа, за тобой пришли.

— Папа, папа! — сын убирает на место коробку с мозаикой и бежит ко мне, а в группе снова остается одна девочка с белым хвостиком на макушке. Мне почему-то становится за нее обидно. Интересно, где ее непутевый папаша? Мог бы тоже пораньше забрать свою девочку, как и все остальные.

— Маришка, пойдем тоже одеваться? — предлагает воспитательница. — Погода хорошая, снежок на улице. Пока гуляем, мама придет.

Девчонка тут же расцветает, торопливо запихивает игрушки на полки и бежит в раздевалку.

Ее ящичек через один от Сережиного. Пока они сидят рядышком и натягивают колготки, я решаю пообщаться с педагогом насчет подарка. Надо действительно сделать доброе дело и купить детям новых игрушек.

— Ольга Алексеевна, я тут подумал, надо бы нам обновить игрушки. Что скажете?

Она сначала смотрит на меня немного недоверчиво, видать, ожидая подвоха, но потом понимает, что я не шучу, и ее глаза загораются:

— Было бы неплохо.

— Вы мне скажите, что надо. Я привезу.

Она тут же начинает охать и суесться, перечисляя назва-

ния, которые я никогда раньше не слышал и вряд ли запомню. Увидев недоумение в моем взгляде, шлепает себя ладонью по лбу:

— У меня же список есть с фотографиями, как раз к родительскому собранию готовила, — говорит и убегает в спальню, а я остаюсь наедине с двумя детьми.

— Пап, это Марина, — гордо говорит мой парень, — мы с ней друзья.

— Молодцы.

— Она очень красивая, да?

Девочка поднимает на меня взгляд, немного смущенный, робкий, полный какой-то потаенной надежды.

— Очень, — я не лукавлю.

Девочка действительно очень милая. На щеках ямочки, хвостик этот смешной, розовые щечки и губы бантиком.

Сын все щебечет и щебет, рассказывая о своих успехах, а я почему-то зависаю на его подружке. Наблюдаю за тем, как она самостоятельно одевается — выворачивает свитер, высунув от усердия язык, сама натягивает дутые штаны.

Только когда доходит очередь до шапки — путается, не справляясь с веревочками. Заглядывает в группу в поисках воспитателя, но Ольга Алексеевна все еще в спальне, ищет заветный список. После этого нерешительно смотрит на меня.

— Давай завяжу? — с улыбкой предлагаю свою помощь.

Марина кивает и с самым серьезным видом подступает

ближе. Я присаживаюсь рядом с ней на корточки и аккуратно завязываю.

Все это время она не отрываясь смотрит на меня. У этой девчонки глаза такого глубокого синего цвета, что кажется, будто тонешь в океане. Такие же были у моей матери. Я даже немного зависаю от этого взгляда.

Магия рассыпается, когда в раздевалку возвращается Ольга Алексеевна

— Вот возьмите, — протягивает мне список, — будет здорово, если получится купить что-то из этих игрушек.

Я не глядя запихиваю бумажку в карман:

— Сделаем, не переживайте.

— Пап, и мне шапку завяжи, — просит Сережка.

Помогаю сыну забраться в комбинезон, и мы уходим, только напоследок я не могу удержаться и оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на Маринку.

Девочка сморит мне вслед, как маленький волчонок, а потом отворачивается.

Уже в машине Серого Волчка пробивает на поболтать:

— Пап, а мы будем елку наряжать?

— Будем, в выходные.

— А Дед Мороз придет?

— Куда же он денется. Конечно, придет.

— А подарки будут?

— Будут.

— Много? — глазенки горят.

— Все зависит от того, как ты себя вел в этом году, — с усмешкой смотрю на него в зеркало заднего вида.

Парень сосредоточенно кивает:

— Я старался.

— Значит, все будет. И Дед Мороз, и елочка, и подарки.

Мне бы то же подарочек. Всего один — услышать Женин голос.

— Посидишь минуточку? Я позвоню, — выхожу из машины и набираю ее старый номер. По памяти. Все эти годы я старался его не вспоминать, а тут цифры сами всплыли. Я не уверен, что она ответит, даже не знаю, рабочий ли еще номер, но все равно жду, трепетно прислушиваясь к тишине. Гудков так и нет.

Черт...

— Позвонил? — сыну всегда любопытно, что я делаю.

— Да. Только не ответили, — горечь все-таки проскакивает в мой голос, и Сережка ее чувствует.

— Тебя обидели?

— Нет, Сереж. Это я обидел... одну очень хорошую девушку.

— Зачем? — искренне не понимает он.

Хочется сказать: затем, что я дурак. Но это было бы неправдой.

— Затем... чтобы спасти. Ее и еще кое-кого.

Кое-кого маленького и очень любопытного.

— Значит, она не будет обижаться. Ты же хорошо посту-

пил.

— Она об этом не знает.

Сын озадаченно замолкает. Все слишком сложно. Такая головоломка еще не для него. Он размышляет над этим всю дорогу до дома и выдает самый очевидный вариант:

— Ты ей все расскажи, и она перестанет сердиться.

— Я подумаю, — с натянутой улыбкой киваю ему и помогаю выбраться из машины.

Как расскажешь? Если руки до сих пор связаны? Да и нужны ли ей эти разговоры? Столько лет прошло, у нее наверняка появился хороший мужчина, который любит ее, уважает, а не ведет как конченный придурок без всяких на то причин.

Мы поднимаемся домой. Раздеваемся, моем руки и идем в кухню. Я уже не рассчитываю на то, чтобы найти там что-то съестное, но к горе грязной посуды и сожженному чайнику оказываюсь не готов.

Чем эта овца здесь занималась?!

— Иди-ка посмотри мультики, а я пока порядок наведу, — выпроваживаю сына в комнату, а сам тянусь за телефоном. — Давай, малыш. Я тебя позову.

Он убегает к телевизору, и уже через минуту оттуда доносятся голоса персонажей и музыка. Иду следом и тихонько смотрю в просвет между дверью и стеной: сын сидит в кресле и зачарованно смотрит в экран, не замечая ничего вокруг.

Я звоню жене. Раз пять. Она не торопится отвечать, и это заводит меня все сильнее. Поэтому, когда в трубке раздается

ее сахарное «да, любимый», меня уже несет:

— Ты что здесь устроила? Что за погром?

— Не ругайся. Просто я очень торопилась, вот и не успела убрать.

— Не успела поставить посуду в посудомойку и вытереть со стола? А с чайником что? Болтала по телефону и забыла про него?

В ответ оскорбленное молчание.

— В общем, так, я пальцем к этому срачу не притронусь — придешь, будешь убирать. И мне плевать на твои маникюр-педикюры.

Она что-то там гундит, но я сбрасываю звонок. Меня трясет от одного ее голоса.

Танька возвращается часа через два. Вся такая надутая, разобиженная и сразу с претензиями:

— Ты испортил мне все новогоднее настроение. Я даже не стала пить кофе у мастера.

Зашибись, настроение ей испортили, да еще и без кофе оставили. Бедняга.

— Переживешь. Иди, срач тебя ждет.

У нее в немом изумлении вытягивается лицо. Похоже, она думала, что я поворчу и все сам уберу. Нет, дорогая моя, не уберу.

— Сейчас?

— А когда же еще? Хочешь, чтобы это всю ночь просто-

яло?

Татьяна оскорбленно поджимает губы, швыряет полушубок на вешалку и проскакивает мимо меня в кухню.

— Давай просто купим новый чайник.

— Давай вообще посуду каждый раз выкидывать и новую покупать.

Боже, я не понимаю, почему у нас идет такой разговор. Мы как глухой с немым. Не видим, не слышим друг друга. Какая это семья? Какой смысл жить в этой клетке?

— Я и не знала, Орлов, что ты такой крохобор!

— Ты вообще обо мне мало знаешь.

Дело, конечно, не в деньгах, а в том, что задолбался жить в свинарнике. Задолбался смотреть на то, как она малюет свою физиономию, но не может поиграть с сыном. Я вообще задолбался от всего.

— Конечно, куда мне до великого и ужасного тебя. Ты же у нас такой весь из себя деловой, только указания можешь раздавать да требовать!

— Все сказала? Вперед, — киваю на посуду.

— И вообще, с какого хрена ты решил, что это я должна все убирать?

— Сама нагадила, сама выгребай. Или ждешь уборщиков?

— Мам, пап, — раздается дрожащий голо Серёжи, — вы ругаетесь?

— Чего вскочил? Иди спать! — рывкает Танька. — Без тебя проблем хватает!

Одариваю ее таким взглядом, что она затыкается, и присаживаюсь на корточки рядом с расстроенным сыном

— Сереж, все хорошо. Мы просто... обсуждаем. Иди ложись, я сейчас к тебе подойду.

У него дрожат губы, и в глазах стоят слезы. Жалко его, аж воздух из груди выбивает. К черту Таньку. Беру сына на руки и иду в спальню

— Мы не договорили, — шипит эта дура, увязавшись следом за мной.

— Уложу, приду.

— Как же, придешь ты. Сейчас час с ним просидишь.

— Сколько надо, столько и просижу.

— Лучше бы жене столько времени уделял.

— Все. Ушла. Живо, — закрываю дверь у нее перед носом.

— А знаешь, что, Орлов? — она не унимается и ломится следом за мной. — Я хочу развестись с тобой! Да, не смотри так на меня. Мне осточертела твоя кислая морда. Надоело, что ты каждый день возвращаешься домой и что-то от меня требуешь, а сам ни поцеловать не можешь, не обнять. Я вообще для чего за тебя замуж выходила?

— Это ты меня спрашиваешь? Я тебе сразу сказал, что ни черта не получится.

— Я не хочу гробить свою жизнь на тебя. Понял, приду-рок?! Завтра же подам на развод, и катись на все четыре стороны!

— Без проблем, — соглашаюсь, — давай сразу обсудим график общения с сыном.

Это единственный вопрос, который волнует меня в этом прекрасном браке.

— График общения? — смеется она. — Размечтался! Или, может, ты думаешь, что я стану таскаться с ним, пока ты своей личной жизнью заниматься будешь? Как бы ни так. Я не собираюсь все взваливать на свои плечи и облегчать тебе существование. Так что с собой заберешь. И сам будешь разбираться и с садиками этими сраными, и болезнями его вечными, и с капризами. А мне на хер все это не упало. Я жить хочу! Свободно и легко! А не барахтаться вот в этом всем, — широким жестом обводит комнату.

— Без проблем. Подавай свое заявление.

Я только за. Это лучший подарок, который она может мне сделать.

— Думаешь, не подам? — тут же заводится она. — Думаешь, так и буду терпеть твое пренебрежение и равнодушие?

— Не терпи.

— Тебе вообще на меня плевать! — из ее глаз катятся крупные слезы. Надо сказать, очень профессионально катятся, так чтобы тушь не смазать. — А я ведь тебя люблю!

— Угу, — киваю и выпроваживаю ее из комнаты, — спокойной ночи!

Сережка лежит в кровати, укутавшись одеялом до самого верха, только глазенки испуганно блестят.

— Пап, — шепчет он, когда я укладываюсь рядом с ним,
— ты уйдешь, а меня оставишь здесь?
— Ты что, куда ж я без тебя? Пойдем вместе.
— Как же мама?

Маму бы лучше вообще изолировать, чтобы не пугала сына. Я даже представить не могу, что творится у него сейчас в голове и на душе. Как, должно быть, больно и страшно, когда самый важный человек в жизни ведет себя как последняя дрянь.

— Мама будет тебя навещать.
«Крайне редко», — добавляю про себя.
— А дедушка?
— И дедушка тоже.

От этого персонажа, к сожалению, никак не избавишься. Танин отец — Бойков Геннадий Александрович — человек при больших деньгах. Жесткий и беспринципный, с тяжелым характером и связями в структурах и бандитских кругах. Именно он мне тогда, пять лет назад, так яйца выкрутил, что пришлось жениться на его дорогой доченьке. Одно в нем радует — внука действительно любит.

— Где мы будем жить? — мужественно спрашивает сын.
— На улице?

— Конечно, нет, Сереж, — усмехаюсь я, — у меня квартира есть.

— У меня будет своя комната? — этот вопрос волнует его больше всего.

— Будет. Большая, светлая. Мы купим тебе туда двухъярусную кровать с пиратским домом, большой шкаф для игрушек и шведскую стенку.

— Можно, я ребят в гости позову?

— Когда обустроимся — непременно позовешь.

— И Маришку?

— Конечно. Куда же без Маришки.

Я снова вспоминаю глаза этой девочки и снова колет куда-то в солнечное сплетение.

— Все, Сереж, спи. Завтра у нас с тобой много дел.

Он послушно закрывает глаза и отворачивается к стене, а я продолжаю таращиться в темноту, все еще не веря, что завтра жизнь начнет меняться.

Спустя полчаса, когда сын уже засыпает и меня самого клонит в сон, дверь в комнату резко открывается:

— Орлов! — во весь голос вопит жена. — Я заколебалась тебя ждать! Ты же сказал, что уложишь его и выйдешь!

Шиплю от злости, рывком подрываюсь с кровати и в два шага оказываюсь рядом:

— Что ты орешь?!

— Хочу и ору! — нагло вскидывается она.

Я принимаю:

— Ты что, пила?

— Да! Стресс запивала!

Капец, блин. Она как налижется, так вообще неадекватная становится. Хватаю ее под локоть и вытаскиваю из детской,

тихо прикрыв за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.